

рие к нему, на деле вызванное тем, что он не хочет быть ничьим слугой, не умеет притворяться и льстить, как другие, более ловкие, но менее прямодушные звери. Этому чувствительному Волку из иронической пьесы-сказки немецкого романтика Зольгер и уподобляет русскую аристократию своей эпохи

Сетуя на свою судьбу, Волк лицемерно заявляет:

Wie oft bin ich gekrank't und verkannt,
Und umgetrieben von Land zu Land,
Vergeblich suchend die Sympatie,
Wohl Schläge fand ich, doch nimmermehr die ⁵

По-видимому, некоторые места из «Писем русского путешественника» показались Зольгеру слишком претенциозными и даже фальшивыми. Так, например, могли быть восприняты жалобы Карамзина на одиночество во время путешествия. «Кто видит мои слезы? Кто берет участие в моей горести? Кому изъясню чувства мои? Я один... один! — Друзья! Где взор ваш? Где рука ваша? Где ваше сердце? Кто утешит печального?»⁶ Подобные излияния чувств, характерные для писателей сентиментального направления, в Германии эпохи романтизма уже стали восприниматься как литературные штампы; соответственно пропало доверие к искренности автора, выражающегося такими патетическими формулами. Читая «Письма русского путешественника» в 1800-х годах, Зольгер не мог еще исторически отнестись к особенностям карамзинского стиля, близкого к стилю немецких сентименталистов прошлого века, однако его недостатки сразу же бросились в глаза немецкому литератору-романтику. У Зольгера создалось впечатление, что Карамзин как бы рисуется перед читателем, хочет показаться лучше, чем на самом деле. Так возникло ироническое сопоставление Карамзина с Волком из «Красной шапочки» Тика.

⁵ Ludwig Tieck's Schriften, Bd. 2. Berlin, 1828, S. 344. — «Как часто оскорбленный и непризнанный, гонимый из страны в страну, я тщетно искал симпатии, но на мою долю доставались одни удары, симпатии же я не встречал никогда».

⁶ Н. М. Карамзин, Избранные сочинения, т. I Изд. «Художественная литература», М—Л, 1964, стр. 509.